

ЧИСТЫЕ КРАСКИ ЭКРАНА

О НАШЕЙ матери-Земле этот художник, которому в наши дни исполнилось бы 90 лет, воспеивал торжественно и влюбленно: «Мы твои дети, и мы твоя мера: ты прекрасна!».

Мне не раз приходилось говорить и писать об Александре Довженко, удивительном мастере, имя которого произносится с глубочайшим уважением во всех уголках мира. И, думается, не только потому, что он был и есть великий художник, но, может быть, еще более и прежде всего потому, что ни один из его современников с такой яростной силой и бойцовой хваткой не выступал защитником Земли, ставшей объектом бесчисленного числа живых существ. Земли, ставшей колыбелью человечества и по этой причине, возможно, единственной в своем роде среди иных миров, среди других планет Вселенной... Он, Довженко, за свою жизнь написал и создал множество литературных и кинематографических полотен — разных и под разными заглавиями.

Однако всем его творениям можно без особого труда подыскать одно общее имя — Земля.

То теплая и влажная, курящаяся паром, исполненная жаждою материнства; то охваченная огнем и пылью; то задыхающаяся в чаду и копошащаяся в вихрях; то в буйном, шальном цветении; то опять в гейзерах взрывов; в дыму, в заревах все пожирающих пожаров и все-таки вечно живая, жизнелюбивая и жизнеутраивающая — такой она предстает перед нами в довшенковских произведениях.

Земля...

Художник видел ее и в горе, и в радости. Была она к нему и ласковой, была и суровой, но он был постоянен в отношении ее. Мудрый сын ее, малая частица, он ни разу не изменил ей.

Один из ранних его фильмов, прозвучавший как бы камертоном для всех последующих его творений, так и назывался — «Земля». Великий фильм! Он жив до сих пор как пример самозабвенного служения искусству, верности революционным идеалам народа. Знаменательны недавние слова видного итальянского кинорежиссера Бернардо Бертолуччи.

Он говорил: «Перед съемками «Двадцатого века» я попросил, чтобы мне показали фильм, который раньше мне увидеть не пришлось. — «Землю» Александра Довженко. Я не знаю, в чем его конкретное «цитирование», но уверен, что он оказал огромное влияние, сыграл огромную роль в процессе моего «раскрепощения», «освобождения» автора по отношению к материалу. Для меня «Земля» Довженко стала сейчас одним из величайших фильмов в истории мирового кино. Как все великие кар-

тины, это фильм пророческий».

А вспомните, каким кадром начинается лента «Щорс»: огромное поле цветущих под солнцем и похожих на маленькие светила подсолнухов, и вдруг над всем этим радостным земным цветением черный султан взрывает... Потом «Мичурин». Ведь это же опять Земля. А потом «Поэма о море», которую с большим основанием и по справедливости следовало бы именовать Поэмой о Земле. И «Повесть пламенных лет» — в ней снова узнаем ту же великую довшенковскую героиню — это опять Земля.

Прочтем строки, набросанные трепетной рукой мастера:

«Раннее утро. На высоком берегу Днепра — украинское село. В неподвижной воде отражаются громады облаков... Спокойные цветущие сады. Купы яблонь окутаны нежными лепестками соцветий. Взрыв. На фоне почерневшего неба дрожат оголенные ветви яблонь. Новый мощный взрыв погружает все в темноту...»

«...Земной шар вращался в межзвездном пространстве. Дымила планета от Нордкапа до Черного моря, а над ее идеальной сферой носились самолеты, извергая из своих чреватых бамбушек Земля. Земля. Земля.

О ее прошлом, о ее настоящем, главное же, о ее будущем — горячие, беспокойные и высокие думы художника. Александр Довженко мерил все земные дела какой-то своей, непривычной для нас, обыкновенных людей, мерой, мыслил необычайно крупно и необыкновенными категориями. Твердо, основательно стоя на земле и, конечно же, не хуже нашего зная ей цену, он мог сам подняться и нас поднять над землей с тем, однако, чтобы мы не отрывались от нее, а видели больше, шире, дальше. Думается, что, не поняв этого, мы никогда не смогли бы понять и природы довшенковского романтизма.

ЛЮДИ, которых природа сделала своими избранными и наделила редкостными, вроде бы уж и неземным дарованием, всегда кажутся нам, простым смертным, немножко странными, порой даже чудаковатыми. Речи их нередко смущают нас ослепительной новизной заключенных в них мыслей, и мы, не желая либо не будучи в состоянии проникнуть в их глубину, торопливо и испуганно отмахиваемся от них, как от недоброго наваждения. По этой причине, надо полагать, многие делегаты II съезда советских писателей поначалу словно не поняли выступления всемирно известного Александра Довженко...

Белый, как дунь, лобастый, со своим беркутиным носом, он подошел стремительно к трибуне и сейчас же заговорил о чем-то таком, что никому, казалось бы, не могло

и в голову прийти в том 1954 году, когда бесконечный ряд сложных и сугубо земных, казавшихся иногда неразрешимыми вопросов стоял перед нами. Он заговорил о космосе, о человеческом разуме, проникающем и уже проникшем в немыслимые глубины мироздания, о том, что материализованный разум этот не нынче завтра взмоет ввысь и побратается сперва с Луной, а затем и с другими небесными телами. Он говорил это, а в зале многие слушавшие его, считавшие себя, конечно же, очень умными, очень образованными людьми, снисходительно улыбаясь — куда, мол, это его занесло?! — переглядывались, в удивлении пожимали плечами. Голос мудреца был уже еле различим среди нетерпеливых покашливаний.

Он ушел на свое место в президиуме, сам пожимая плечами, не понимая, отчего такими редкими, как бы только из вежливости, хлопками встретили слушавшие окончание его речи, составлению которой в уме и на бумаге он отдал несколько бессонных ночей. Высокий лоб его pokrылся испариной, острый взгляд сердито воткнулся в шелестящий все еще перешептыванием зал. Довженко хмурился, был не в духе, и понять его можно. Но также можно было понять и тех, кто не понял его речи. Не каждому дано перекинуться мыслью своей в завтрашний день планеты по имени Земля — это дано людям масштаба Довженко.

В 1957 году, ровно, стало быть, через три года после того, как прозвучала «странная», удивившая всех его речь, откуда-то с заоблачных высей над миром прозвучали легендарные позывные первого искусственного спутника Земли.

Близкое, завтрашнее проникновение в просторы Вселенной провидел в тот день не ученый — это было бы естественно, — а художник, более всего, казалось (если иметь в виду все его творчество), озабоченный делами Земли, родной своей Земли, далеко не в планетарном, космическом ее смысле.

Довженко верил в народ, в так называемого простого человека, верил беспредельно — мне бы хотелось подчеркнуть это слово — и не той снисходительной верой, предполагающей либо барское поощрительное похлопывание по плечу, либо мешанское умиление, а той, какой веришь в подлинного творца жизни. Помнитесь, сколько споров и нареканий по адресу создателей фильма, а значит, в первую очередь по адресу самого Довженко вызвала сцена, где в уста рядового солдата вложены слова, которые, казалось, в пору мыслителю, философу, но не рядовому человеку.

«Кончилась мировая война! — говорит, обращаясь к себе и ко всем людям на белом свете, солдат Орлюк. — Стою с автоматом на пороге

новой эпохи и думаю: какую могучую темную силу мы победили, будь она проклята!»

Допускаю, что, выйдя такие строчки и такие слова из-под пера художника иного склада мышления, иного масштаба, а не из-под пера Довженко, они бы могли прозвучать и неуверенно, и даже с фальшивинкой. Но перед нами Довженко, беспредельно искренний Довженко, который может естественно в мыслях своих слиться с народом, коллективный разум коего всегда бесконечно высок и глубок.

«Я не генерал, — говорит далее Орлюк, а мы видим рядом с ним взволнованное, одухотворенное высокой и гордой мыслью лицо Довженко, как бы тихо, про себя, повторяющего: «Добре, добре, солдат!» — Я не генерал, конечно, и не маршал — простой сержант Иван Орлюк, колхозник с Приднепровья, обыкновенный, так сказать, победитель в мировой войне...»

Крестьянин, земледеец, волею судьбы ставший Победителем в мировой войне, он уже не обыкновенный, не рядовой, а Великий рядовой. И ему-то художник мог без колебания поручить высказать самые великие думы. Вот в чем дело. И в этом весь Довженко.

Реалистические сцены во всех без исключения созданных этого необыкновенного художника испытывают на твоих глазах удивительные превращения, порой обретают формы сказочные, былинные, вырастают в крылатые символы. В одну минуту, например, ты можешь увидеть раненого солдата, рядом с ним — окопная грязь, кровь, дымный смрад, картина обиденная, граничащая даже с натурализмом. И вдруг на наших же глазах мгновенно все меняется, прежнее исчезает, покрывается иной картиной, не картиной будто, а видением...

Едва ли не все произведения Довженко посвящены самым драматическим дням нашей истории. Смерть и разрушения — чуть ли не над всей Землей. Но не смолкает песня, не затихает смех, не угасает любовь — начало всех начал. Жизнь празднует свою победу даже там, где смерть, кажется, готова уже объявить себя победительницей.

Мудрый сын Земли, Довженко платил ей верной любовью. В нем всегда была крепка крестьянская жилка. Родившись на берегах зачарованной Десны, он понимал красоту природы. Ему нравилось сажать деревья. Теперь яблонь, посаженные Довженко, украшают киностудии в Москве и Киеве, деревья эти помнят руки Александра Петровича, золотые руки мастера, творца, крестьянина.

Михаил АЛЕКСЕЕВ,
Герой Социалистического
Труда.